

III. НРАВСТВЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Л.Я.Воронова

Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Проблемы литературного образования молодежи в Казанском университете (кон. XIX – нач. XX в.)¹

Хорошо известно, что ничто так сильно не влияет на человека, на процесс умственного развития, как литература. Многие филологи XIX–XX вв. (Ф.И.Буслаев, А.Д.Галахов, А.Н.Пыпин, В.И.Водовозов, Д.Н.Овсянко-Куликовский, В.В.Сиповский и др.), подчеркивая значение литературного образования в развитии личности, разрабатывали концепции и программы по словесности для разного уровня учащихся, писали статьи, учебники, научно-популярные очерки о выдающихся писателях, занимались популяризацией русской литературы.

Наша цель – рассмотреть некоторые аспекты литературного образования молодежи в Казанском университете, тем более что конец XIX – начало XX в. – это период активного обсуждения в обществе настоящего и будущего российского образования, вызванного неудовлетворенностью предыдущими реформами, как высшей, так и средней школы.

Источниками изучения стали материалы из Национального архива РТ, Института русской литературы АН РФ (Пушкинский дом), отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки имени Н.И.Лобачевского, отчеты Императорского Казанского университета, дореволюционные публикации.

Вопрос о сущности литературного образования – это вопрос о его месте в системе образования, его задачах, содержании, технологии. О кризисном состоянии российских университетов после введения Устава 1884 г. писали очень многие деятели науки и историки высшей школы, но нам хотелось бы обратить внимание на статью профессора Казанского университета Е.Ф.Будде «К университетскому вопросу», которая до сих пор была вне поля зрения исследователей. Выделим лишь самые основные тенденции последствий реформирования 1884 г., отмеченные автором:

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14. А 18.21.0536.

– падение университетского научного образования, превращение «храма науки», где царствовали «свобода мысли», «свобода гипотез», в «складской подвал для старья» [Будде 1901: 106].

– ограничение свободы преподавания (в выборе методов, способов, источников, учебников и т. д.), демонстрирующее недоверие к преподавателям, жесткая регламентация учебного процесса, превращение ученых в простых исполнителей;

– отсутствие концепции воспитания в средней школе, замена национального образования классическим, отсюда – увеличение не подготовленных к самостоятельной деятельности на благо отечества молодых людей, которые приходят в университеты;

– сокращение приема студентов на гуманитарные факультеты (историко-филологический, юридический), вследствие перехода к более узкой специализации: **«Россия стала получать специалистов-техников и практиков всякого рода, но без идеалов общественного служения; практиков, которые нисколько не подняли общего культурного состояния страны и в большинстве случаев устремили свои силы на обеспечение материальной своей независимости, так как нравственная духовная независимость сделалась к нашему времени для человека пустой мечтой и фикцией»** [Будде 1901: 113];

– изменение жизненных приоритетов у молодежи, которая старается «жить хоть немного, хоть как-нибудь, лишь бы не задумываться и не страдать; жить не высокими идеалами, а удовлетворением ненасытных страстей» [Будде 1901: 114];

– ограничение воспитательного воздействия профессоров на студентов, путем регламентации форм и способов их общения в университете и вне его стен, введение института инспекции и т. д.

Преподаватели Императорского Казанского университета делали все для того, чтобы потерь в образовании в эту «эпоху безвременья и упадка» в жизни русского университета было как можно меньше. Не было исключением в этом отношении и историко-филологический факультет. Здесь функционировало 10 кафедр, 6 из которых имели филологическую направленность (истории русского языка и литературы (истории русской словесности), греческой словесности, римской словесности, истории всеобщей литературы, славянской филологии, сравнительной грамматики индоевропейских языков). Основную учебную нагрузку выполняли профессора (ординарные и экстраординарные) и приват-доценты. Они читали студентам лекции, вели практические занятия.

Все учебные дисциплины делились на общефакультетские и специ-

фические. Общефакультетские предметы слушались всеми студентами в течение первых четырех семестров (логика, психология, введение в языкознание, греческий, латинский языки, богословие, древняя философия, новый язык (по выбору). Специфические предметы распределялись в свою очередь на обязательные и специальные.

В число обязательных дисциплин для всех студентов факультета входили история русской литературы, история западноевропейской литературы и история искусств. История русской литературы читалась на протяжении первых четырех семестров, история западноевропейской литературы и история искусств начиная с пятого семестра. По всем предметам была единая форма отчетности – экзамен.

В программу подготовки словесников, конечно, входило большое количество специальных курсов по истории русской, греческой, римской, славянским литературам и языкам.

Историю русской литературы с 1882 г. успешно преподавал А.С.Архангельский [Воронова 2002]. Он одним из первых разработал систематический лекционный курс, охватывающий историю русской словесности с древнейших времен до XVIII в. включительно, и внедрил его в практику вузовского преподавания. Предпринята была им и попытка осветить историю русской литературы XIX в. Эти лекции не только последовательно раскрывали историю русской литературы в ее важнейших этапах, но и находились в неразрывной связи с курсами по русской народной словесности, истории русского языка и истории славянских литератур.

М.П.Петровский, А.Н.Александров, Н.М.Петровский на своих лекциях знакомили студентов с особенностями славянских языков (сербского, польского, чешского, хорватского и пр.), с историей церковнославянской письменности и словесности польской, сербской, хорватской и др., демонстрировали широкие возможности сравнительного изучения языков и литератур [Лаптева 2012].

Историю классической филологии (греческой и римской литератур) читали С.П.Шестаков, Б.В.Варнеке, Д.П.Шестаков. Они не замыкались в пределах своей научной специализации, а стремились охватить историко-литературный процесс как можно шире. Например, Б.В.Варнеке дополнял историю античной литературы и античного театра развернутыми лекциями по истории римской религии, римской эпиграфике, римской историографии; подготовил цикл лекций по истории русского театра и апробировал в Казанском университете, на Высших женских курсах и театральных курсах.

Стремление поставить преподавание литературы на научную осно-

ву, отразившее тенденции литературоведения этого времени, обусловило продуманность планов всех лекций и их серьезное научное содержание. К некоторым лекционным курсам были даже изданы программы [Архангельский 1893; 1898; 1911], учебники, которые помогали студентам в самостоятельной работе. Например, А.С.Архангельским был подготовлен целый цикл пособий: «Из лекций по истории русской литературы. Накануне христианства и письменности» (Казань, 1901), «Из лекций по истории русской литературы. Литература домонгольской Руси (XI – половина XIII в.)» (Казань, 1903), «Образование и литература в Московском государстве кон. XV–XVII в» (Вып. I–III. Казань, 1898–1901) и другие. Б.В.Варнеке в 1908 – 1910 гг. была издана «История русского театра» в двух томах, представляющая, по признанию автора, курс его лекций [Варнеке 1910: 11]. Это первое систематическое изложение русской театральной истории, начиная от истоков и до рубежа XX века. Чтение этих книг давало огромный образовательный материал и удовлетворяло вполне законную пытливость студентов.

Но литературное образование – это не только знание, это и процесс, это и диалог, поэтому особое место в учебном плане занимали практические и семинарские занятия, в проведении которых использовался опыт европейских университетов, тем более что все кафедры замещали профессора, прошедшие «школу западноевропейской науки». Заметим, что практические занятия были установлены на историко-филологическом факультете Казанского университета задолго до того, как они стали обязательными для студентов по Уставу 1884 г.

Виды занятий были разные: проверочные испытания по прочитанным курсам, письменные работы по темам и отчеты, устные разборы и анализ текстов, литературные беседы и др. Вопрос о новых формах учебно-методической организации занятий и улучшении качества их проведения неоднократно поднимался в университете и на заседаниях историко-филологического факультета, в частности [НА РТ. Ф.977.Д.1749: Л.45–47, 87 – 87 об.; Д.1779: 47 л.]. С этой же целью при факультете были созданы специализированные кабинеты и библиотеки – нумизматический музей, музей отечествоведения, музей искусств и древностей, кабинет экспериментальной фонетики, палеографический кабинет, кабинет русской литературы, библиотека славянской филологии, библиотека классической филологии, библиотеки для практических занятий по всеобщей истории и по философии. Комплектовались они книгами, пособиями и экспонатами за счет средств, выделяемых Министерством народного просвещения для организации практических занятий. Но очень часто преподаватели сами

выписывали книги через своих московских и петербургских знакомых, в числе которых были А.Н.Веселовский, Н.И.Стороженко, А.А.Шахматов, С.А.Венгеров и др.

Большое внимание уделялось и организации самостоятельной работы студентов. А в 1898–1901 гг. А.С.Архангельским был подготовлен список книг по истории русской литературы, находящихся в библиотеке университета, который значительно облегчил работу студентов с источниками. Он был опубликован в «Ученых записках Казанского университета» [Архангельский 1898–1901]. В 1903 г. была открыта учебная библиотека при студенческом общежитии, пополнением которой занимался декан факультета профессор А.И.Александров, разославший официальные отношения выдающимся отечественным ученым. Так, в письме от 1 декабря 1905 г. он пишет А.Н.Веселовскому: «Организовав библиотеку славянской филологии, историко-филологический факультет Императорского Казанского университета 15-го ноября постановил: просить Вас придти на помощь этому учреждению, существующему для облегчения студенческих занятий, присылкой заведующему библиотекой славянской филологии, проф. А.И.Александрову, по экземпляру имеющихся на лицо, Ваших книг и статей по славяноведению» [ИРЛИ, Ф.45. Ед. хр.871. № 487: Л.32].

Развитие творческих начал студентов стимулировали различные конкурсы студенческих работ, которые регулярно проходили в университете, по инициативе Учебного округа, факультета или сторонних организаций. Однако даже высокий уровень организации учебных занятий и их содержательность не могли удовлетворить растущие читательские запросы некоторых студентов. Дело в том, что программа по истории литературы не предполагала изучения литературного процесса второй половины XIX века, не говоря уж о рубеже веков. По желанию студентов преподаватели изыскивали возможности проводить внеаудиторные занятия (у себя дома, в библиотеках), но эти занятия были нелегальными, так как противоречили Уставу.

Историко-филологический факультет неоднократно выходил с ходатайством об организации студенческого кружка по истории русской литературы. Дело сдвинулось с мертвой точки только после циркуляра Министерства народного просвещения от 5 августа 1899 г. (№ 6498), регламентирующего учреждение научных и литературных студенческих кружков в университетах. В нем было обращено внимание на особую роль в воспитании и образовании молодых людей преподавателей: **«...Преподаватель, который ограничивает свою преподавательскую**

деятельность только чтением лекций в положенные часы, а не входит в духовные интересы и нужды учащихся, не сближается с ними на этой почве и не руководит их неокрепшей мыслью, исполняет лишь малую долю своих обязанностей, возлагаемых на него высоким призванием профессора» [НА РТ. Ф.977. Д.1777: Л.2].

Были предложены конкретные формы учебно-педагогической работы, способствующие сближению интересов преподавателя и студентов. Полезными признавались как научные кружки, так и кружки художественно-эстетического направления – литературные, хоровые, музыкальные. Министерство брало на себя обязательства обеспечивать факультеты всеми необходимыми средствами для ведения этих занятий. Правда, численный состав кружков был строго ограничен, и специальные требования предъявлялись к руководителям: «...выбор умелых и твердых руководителей, которые могли бы вдохнуть жизнь в эти общества и удерживать их в требуемых границах, должен составлять предмет особой заботливости ученого начальства» [НА РТ. Ф.977. Д.1777: Л.2 об.].

Циркуляр Министерства народного просвещения бурно обсуждался на историко-филологическом факультете. Профессор русской истории Д.А.Корсаков даже представил «особую записку о подробностях организации студенческих ученых, литературных и музыкальных кружков на историко-филологическом факультете» [НА РТ. Ф.977. Д.1777: Л.4 – 7].

Поддерживая Министерство народного просвещения в своевременной постановке вопросов о поиске форм сближении преподавателей и студентов, совершенствовании практических занятий и организации научных и литературных кружков, он серьезной ошибкой считал требование обязательного учреждения студенческих кружков в университетах. Кружки, по его мнению, могут быть образованы только путем инициативы со стороны студентов, только тогда они «...не будут иметь характер принудительного расширения практических занятий» [НА РТ. Ф.977. Д.1777: Л.6].

Цель кружков Д.А.Корсаков видел в развитии способностей студентов излагать свои мысли по научным и литературным вопросам. В связи с этим он не ограничивал студентов написанием рефератов и одним из возможных интереснейших направлений деятельности литературного кружка называл переводы: от переводов на русский язык классических научных сочинений до переводов новых европейских писателей. Чтобы поощрять талантливых студентов, он предложил издавать за счет университета “Сборник учено-литературных трудов студентов Императорского Казанского университета”, где печатались бы лучшие рефераты, перево-

ды, статьи, сочинения студентов, награжденные медалями, протоколы и отчеты о занятиях кружков.

А вот для развития эстетического вкуса студентов Корсаков считал целесообразным создание не только музыкальных кружков, но и театральных и вокальных студий, проведение литературно-драматических вечеров и представлений [НА РТ. Ф.977. Д.1777: Л.6, об.].

Предложения Д.А.Корсакова были в целом поддержаны членами факультета. Проект правил студенческого Литературного кружка Казанского университета был разработан А.С.Архангельским, утвержден попечителем учебного округа в 1900 г., руководителем кружка назначен, конечно же, А.С.Архангельский [Отчет 1901: 14]

Любовь к литературе, атмосфера творчества, царившая на встречах, объединили студентов разных специальностей. На заседаниях кружка зачитывались доклады и научные рефераты по русской литературе, которые обязательно «критически обсуждались», делались сообщения о результатах самостоятельных текстологических и архивных поисков. Темы не повторяли лекционного материала, касались актуальных вопросов изучения русской литературы XIX – начала XX вв. Они предлагались руководителем, но могли быть выбраны и самими студентами, но по согласованию с Архангельским.

Так, в 1903–1904 гг. на заседаниях кружка были прочитаны рефераты «Полевой и его журнал “Московский телеграф”», «Станкевич и московский литературный кружок 30–40-х годов», «Литературное и общественное значение Н.А.Некрасова», «Интеллигенция и компромисс (по сочинениям Вересаева, Короленко, Чирикова)», «Русское общество в произведениях А.П.Чехова», «А.П.Чехов в 80-е годы», «О сборниках товарищества “Знание”», «О сочинениях Леонида Андреева» [НА РТ. Ф.977. Д.10950: Л.24-25 об.].

В 1903 г. А.С.Архангельским был составлен и опубликован примерный список тем рефератов, с указанием источников и пособий [Архангельский 1904]. В него вошли темы разного объема, содержания и уровня сложности.

Одни темы имеют монографический характер и посвящены творчеству и литературному окружению известнейших русских писателей. Например, «А.С.Пушкин, литературное и общественное значение его поэзии», «А.С.Грибоедов и его комедия “Горе от ума”», «Н.В.Гоголь и реалистическое направление, внесенное им в нашу литературу», «А.Н.Островский и его бытовые комедии», «В.Г.Белинский и его литературная деятельность», «Старое и новое поколение в романе И.С.Тургенева “Отцы и дети”», «Литературные современники А.С.Пушкина» и др.

Другие темы предполагают обзорный анализ наиболее интересных периодов и явлений в развитии русской литературы и критики: «Сатирические журналы XVIII века в журналистике в царствование императора Александра I», «Н.В.Станкевич и московские литературные кружки 20-х годов», «Славянофилы и западники», «Главные течения в области русской литературы 40 – 50-х годов (повесть, лирика, критика)», «М.Ю.Лермонтов и русская поэзия “мировой скорби”» и др.

Формулировки же третьей категории тем звучат весьма полемично: «Интеллигенция и компромисс (по сочинениям Вересаева, Короленко, Чирикова)», «Современные “корифеи” нашей литературы (Максим Горький, Л.Андреев, “декаденты”）」 или «Что дают своему читателю наши теперешние “классики”, такие писатели, как Максим Горький, Л.Андреев и др., такие поэты, как Бальмонт и К”», и что давали действительные классики – Тургенев, Толстой, Достоевский, благодаря произведениям которых русская литература заняла такое почетное место в Европе?». Безусловно, они отражали критическое отношение А.С.Архангельского к новейшим литературным явлениям, однако важно, что профессор не уходил от обсуждения тех произведений и вопросов, которые интересовали студентов.

Причем, научно-критическая литература к темам монографическим и обзорным была подобрана самая современная, отражающая различные точки зрения по вопросу. Так, к теме «Полевой и Надеждин и их журналы» предлагались не только статьи В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, но и труды по истории русской критики А.М.Скабичевского и И.Иванова, только что вышедшие работы по истории романтизма И.И.Замотина («Романтизм 20-х гг. XIX в. в русской литературе». Варшава, 1903), Н.К.Козьмина («Очерки по истории русского романтизма». СПб., 1903). А к темам третьего блока Архангельский считал главными пособиями сами тексты произведений и давал студентам возможность самим найти научно-критическую литературу.

Можно, кстати, сопоставить читательские интересы студентов 60-х гг. XIX в. и конца XIX в. – начала XX в.

В 60–70-е гг. XIX в., как отмечают историки университета, «чтение художественной и публицистической литературы стало духовной потребностью студенческой молодежи», появились списки текстов, обязательных для прочтения образованным человеком (сочинения О.Конта, Дж.Стюарта, Спенсера, Д.И.Писарева, Н.А.Добролюбова, М.Е.Салтыкова-Щедрина, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского и др.), организуются неформальные библиотеки. «Хождение этих книг очерчивало границы общности, создавало то самое воображаемое сообщество интел-

лектуалов, которыми желали бы быть казанские студенты пореформенной России» [Вишленкова 2005: 368].

В конце XIX – начале XX вв. литература стала формировать эстетические вкусы, жизненную позицию, политические пристрастия, от писателей ждали откровений, открытия смысла жизни, в них видели пророков. Изменяется и круг чтения студентов. По данным «Самопереписи 1907 г.», проведенной в Казанском университете, рейтинг любимых писателей «возглавляли Л.Н.Андреев и А.М.Горький, затем шли А.П.Чехов, Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко, М.П.Арцыбашев» [Вишленкова 2005: 369]. Как видим, перечень имен совпадает со списком писателей, произведения и творчество которых были предметом внимания на заседаниях литературного кружка.

Кроме того, студенты могли расширить свои знания о деятельности привлекательных для них писателей, узнать новую информацию о восприятии и оценке их творчества, получить уроки анализа современных явлений культуры на публичных лекциях, литературных праздниках, на Общих собраниях Общества любителей русской словесности в память А.С.Пушкина, которое было открыто при университете в 1899 г. [Воронова 2008]. Некоторые студенты были членами этого общества и принимали деятельное участие во всех его мероприятиях.

По инициативе А.С.Архангельского и студентов при кружке возникла небольшая читальня. Архангельский обратился с особым письмом в редакции русских газет и журналов с просьбой высылать кружку бесплатно свои издания. Поскольку сам Архангельский был членом нескольких научных обществ России, публиковался во многих научных и популярных изданиях («Русское обозрение», «Исторический вестник», «Казанский телеграф», «Филологические записки», «Журнал министерства народного просвещения» и др.), большинство редакций отнеслось к этому вполне сочувственно и немедленно стало высылать в кружок свои периодические издания. Другие согласились высылать свои издания по более низкой годовой цене или с уплатой только одних почтовых расходов. Несмотря на обещания Министерства народного просвещения о финансовой поддержке студенческих кружков, от университета средств не поступало, все расходы покрывались из средств самих членов кружка.

Состав кружка увеличивался год от года, в 1904 г. его посещали уже 152 студента, хотя по правилам должно было быть не более 50. Кроме того, на собраниях постоянно присутствовали «гости» – учащиеся гимназий, Духовной академии, школьные учителя. В феврале 1905 г. Архангельский вынужден был просить историко-филологический факультет и

Совет университета увеличить предельную цифру состава, пересмотреть существующие правила и придать литературному кружку иной статус, по типу Санкт-Петербургского студенческого кружка [НА РТ. Ф.977. Д.10950 : Л.25].

Велась на факультете и индивидуальная работа со студентами. Талантливых студентов профессора всячески поддерживали и поощряли: помогали с литературой, составляли планы подготовки к докладам и магистерским экзаменам [Архангельский 1900], направляли на консультацию к коллегам в Санкт-Петербург и Москву. Вот лишь один пример. На основании высокого отзыва А.С.Архангельского в 1900 г. золотой медалью был награжден студент 3 курса Андриан Петров за работу «Народные русские сказки, их мифологическое, историко-бытовое и книжное содержание» [Отчет 1901: 13]. По окончании университета в 1904 г., по рекомендации опять же Архангельского, он был оставлен для приготовления к профессорскому званию по истории русской литературы при историко-филологическом факультете [НА РТ. Ф.977. Д.10950: Л.10] и в дальнейшем стал одним из видных деятелей народного образования в Санкт-Петербурге.

Таким образом, литературное образование было важным компонентом подготовки специалистов-гуманитариев, недаром многие выпускники с благодарностью и восторгом вспоминали лекции филологов. Аудиторные занятия и занятия в кружках, подготовка рефератов на разнообразных темы приучали студентов к научному исследованию литературных произведений, жизни и творчества отдельных писателей и поэтов, формировали навыки поиска и систематизации научно-критического материала и источников, литературно-критического анализа и написания разных в жанровом отношении работ (обзор, литературный портрет, рецензия, реферат и др.), давали опыт публичного выступления и дискуссии, а это было полезно не только выпускникам словесникам, но и историкам, юристам, философам и др. И, конечно же, ни с чем несравнимое влияние оказывала литература на становление характеров студентов, на формирование их жизненных позиций.

Литература

1. *Архангельский А.С.* Алфавитный список книг по истории русской литературы в главной библиотеке Императорского Казанского университета // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1898. – Т. 65, кн. I. – С. 17 – 32; кн. V – VI. – С. 33 – 64; 1900. – Т. 67, кн. IV. – С. 64 – 112; кн. V – VI. – С. 113 – 160; 1901. – Т.68, кн. II. – С.161 – 208.
2. *Архангельский А.С.* Инструкция для занятий профессорскому стипендиату В.В.Румянцеву по истории русской литературы. – Казань, 1900. – 23 л.

3. *Архангельский А.С.* К лекциям по истории русской литературы и языка: Программа и библиографические материалы // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1893. – IV. – С. 1–52; VI. – С. 37–82; 1904. – II. – С. 63–98.
4. *Архангельский А.С.* К лекциям по истории русской литературы: Программа лекций, с указанием источников и пособий. (Вместо Введения. 1. Памятники устного народного творчества). – Казань, 1898; 2-е изд. (исправ. и доп.). Казань, 1911.
5. *Архангельский А.С.* Темы рефератов с указанием источников и пособий (1903 – 1904 гг.). Студенческий литературный кружок при Казанском университете. – Казань, 1904.
6. *Будде Е.Ф.* К университетскому вопросу // Русская школа. – 1901. – Г. 12. – № 9. – С.105 – 121.
7. *Варнеке Б.В.* История русского театра. Часть вторая: XIX век (опыт изложения). – Казань, 1910.
8. *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань, 2005. – С.368.
9. *Воронова Л.Я.* Александр Семенович Архангельский. 1854-1926. – Казань, 2002.
10. *Воронова Л.Я.* Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С.Пушкина // Учен. зап. Казан. ун-та. – Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.6. – С. 7–18.
11. ИРЛИ. Ф.45 (фонд Веселовского). – Ед.хр.871. – № 487. – Л. 31 – 32.
12. *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Казанском университете // Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX первой трети XX в. – М., 2012. – С.729 – 776.
13. НАРТ. Ф.977. – Оп. Ист.-фил. фак. – Д.1749. – 120 л. (Протоколы заседаний историко-филологического факультета Казанского Императорского университета. 1899 г.).
14. НАРТ. Ф.977. – Оп. Ист.- фил. фак. – Д.1777. – 13 л. (Об учреждении научных и литературных студенческих кружков в видах желательного общения между студентами и педагогическим персоналом Университета).
15. НАРТ. Ф.977. – Оп. Ист.- фил. фак. – Д.1779. – 47 л. (По вопросу о правильной организации практических занятий студентов и о мерах к улучшению практики).
16. НАРТ. Ф.977. – Оп. Совет. – Д.10950. – 380 л. (Отчет о составе и деятельности университета за 1904 г.).
17. Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1900 г. – Казань: Типо-лит. Имп. Каз. ун-та, 1901. – С. 12–40.